

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 339

Д.Г. ЕВСТАФЬЕВ,

кандидат политических наук, профессор

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ГЛОБАЛЬНЫЕ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЕВРАЗИЯ: РИСКИ И ЗАДАЧИ ДЛЯ РОССИИ

Аннотация. Регионализация мировой экономики развивается более медленными темпами, нежели это изначально предполагалось, что связано и с сопротивлением сторонников возврата к классической пост-пространственной модели глобализации и неограниченной сетевизации мировой политики и экономики. Регионализация все меньше развивается в русле только экономических трансформаций и экономического инструментария, а включает в себя все больше политических и военно-силовых элементов. Ряд стран, стремящихся к укреплению своего глобального политического и экономического влияния в рамках регионализированной модели геоэкономического развития, активно использует в своей текущей политике методы гибридных войн, которые становятся инструментом переформатирования больших геоэкономически значимых пространств в условиях сохранения высокой степени взаимозависимости в ключевых отраслях. По периметру Евразии, а в ряде случаев в непосредственной близости от границ России начинают формироваться новые центры экономического роста, в дальнейшем способные институционализироваться в полноценные политico-экономические системы, сформированные вокруг военно-политического ядра. Их воздействие будет ощущаться не только по внешнему контуру российских границ, но и в плане воздействия на внутренние социально-экономические процессы. Это ставит на повестку дня необходимость выработки синергичной политики развития, которая одновременно позволит обеспечивать внутреннее развитие в условиях стабильности и решение проблем на внешних площадках. Это делает невозможным полное разделение внутренних и внешних рисков, ставших результатом формирования соседствующих с Евразией макрорегионов. Такой подход требует проведения интегрированной политики, включающей не только политические, военно-политические и инфраструктурные вопросы, но и иные аспекты развития, такие как социальное и социокультурное развитие. Это потребует и балансировка отношений Центра и регионов.

Ключевые слова: регионализация мировой экономики, Евразия, геоэкономические макрорегионы, центры экономического роста, гибридные угрозы.

Введение

Трансформации глобального политического и экономического пространства развиваются относительно медленными темпами по сравнению с тем, что предсказывалось ранее. Это обуславливается как объективными, так и субъективными причинами, в частности активным противодействием со стороны США, заинтересованных в максимальной пролонгации состояния стратегической неопределенности в моделях развития.

Современное состояние дел в глобальной политике и экономике может быть охарактери-

зовано, как глубокая деструкция прежней модели развития при относительно незначительных и противоречивых проявлениях тенденций регионализации глобальной экономики. Их развитие сдерживается целым рядом политических и экономических факторов, а также нежеланием большинства крупнейших игроков на мировой экономической арене форсировать перемены, создавая риски для системы глобальной экономической взаимозависимости и ее страновых продолжений.

Мир сталкивается с последствиями сверхглобализации второй половины 1990-х и в осо-

бенности первых десяти лет XXI в. [11], заложившими в общемировые процессы огромный элемент инерции, как политической и экономической, так и институциональной, бюрократической. Проявления инерции сверхглобализации асимметричны в различных сферах, что и делает ситуацию в мире не просто противоречивой, но и разнонаправленной.

Одновременно мы наблюдаем активизацию действий стран, вышедших на предел своих геоэкономических возможностей в рамках существующей глобальной системы и пытающихся обновить, сформировать наличный инструментарий решения проблем своего развития на внешнем контуре.

Ситуация отражает застойный кризис современной экономической модели, неспособной к новой конвергенции, подразумевавшей преодоление критических асимметрий в развитии экономики [8], превращавших «глобализацию» уже в первой половине 2010-х гг. скорее в некий «идеологический» термин, нежели в некую реально действенную экономическую систему¹. Отметим фактическую остановку догоняющей социальной модернизации, основы социальной модели зрелой глобализации, произошедшее еще на этапе «зрелой» глобализации [9], что еще больше было усугублено в результате пандемии коронавируса.

Характерное для 2018–2020 гг. состояние стагнации трансформаций, предопределявшее отказ от принятия решений, способных сломать систему политических и экономических приоритетов, начинает утрачивать свою актуальность. Происходит разрушение части критических узлов глобальной экономической взаимозависимости, например, в области мировой торговли и расчетов. Признание высокой вероятности распада монополярной глобализации

и перехода к более сложной, но все еще глобальной системе геополитических отношений начинает все чаще присутствовать в оценках даже сторонников сохранения американского доминирования в мире [25]. Важным признаком кризиса системы глобальной геоэкономической взаимозависимости становится отмеченный крупнейшими американскими специалистами кризис «мягкой силы» даже применительно к США [23], а одновременно и кризис глобализированной социальности в том виде, как это понималось раньше, хотя последствия пандемического периода пока осмысливаются в парадигме классического глобализма [27].

Но формирование региональных экономических центров происходит с существенно большим задействованием военно-силовых средств уже не только в формате «гибридных войн», превращающихся все более в политico-социальный и в военно-силовой инструмент воздействия на общество страны-конкурента [6]. На фоне ослабевания глобальных институтов и механизмов управления развитием происходит не столько формирование новых центров экономического роста, сколько борьба за контроль важнейших для будущего развития пространств. Это превращает процесс экономической регионализации из эволюционного, основывающегося на «конкуренции эффективности» с понятными «правилами игры» в быстро развивающуюся конкуренцию «без правил», когда экономическая эффективность становится вторичной. Это в основном касается вопросов поддержания дееспособности больших экономических систем, имеющих региональное и трансрегиональное значение.

Эффект трансграничной гибридности

Важнейшим аспектом нынешней ситуации становится транзит межгосударственной конкуренции в геоэкономический формат, что сопровождается снятием многих ранее существовавших ограничений на методы негативного воздействия на геоэкономических конкурентов. Это существенно меняет структуру рисков для безопасности и развития крупных пространств, которые ранее рассматривались как преимущественно проистекающие из по-

¹ Так трактуется процесс глобализации через ликвидацию уже даже не принципиальных, а значимых различий между странами и регионами в концепции «плоского мира» [16], по мере укрепления веры во всемогущество информационных технологий перераставшей в концепцию «постпространственного мира», получившую наиболее яркое выражение [1]. Отметим и работу крупных западных ученых Ивана Крастева и Стивена Холмса [7], напрямую связывающих нарастание экономических асимметрий с кризисом либеральной трактовки демократии и нарастанием имитационности в деятельности демократических институтов.

литической и частично военно-политической несбалансированности системы международных отношений, что соответствовало характеру процессов глобализации в поздний период [5]. Даже на ранних стадиях регионализации заметно существенное изменение характера рисков и системных связей, затрагиваемых ими. В определенной мере можно говорить о возвращении к модели столкновения цивилизаций [19], но в существенно модифицированном формате. В процессе институционализации глобальной политической архитектуры мы будем сталкиваться с эффектом именно геоэкономических трансформаций, инструментами и стимулами к которым могут стать и цивилизационные факторы.

Обратим внимание на несколько аспектов развития ситуации.

Обостряется воздействие кризиса водных ресурсов [18], ставшего источником недавленого (апрель – май 2021 г.) обострения ситуации в отношениях Таджикистана и Киргизии. Следует ожидать усиления значения данного фактора в ближайшем будущем, поскольку он имеет выраженный пространственный характер.

Ситуация в энергетике, и не только в региональном, но и в субглобальном формате [22], давно стала сферой гибридной конкуренции, даже с попытками использовать отдельные силовые инструменты, как это пытаются сделать в отношении проекта «Северный поток – 2». В энергетике мы видим попытки системного переформатирования структур энергообеспечения и энергобезопасности в целом ряде важнейших регионов мира, включая Европу, что неизбежно приведет к формированию субрегиональных асимметрий в развитии, усиливаемых манипулятивностью современного информационного общества, подменяющего или, как минимум, искажающего не только политическую, но и социальную суть демократии [12].

Миграция из социальной и социокультурной проблемы превратилась в последние годы в geopolитическую, что особенно почувствовала «старая» Европа, опиравшаяся на относительно устойчивые социальные институты и механизмы управления социально-экономическим развитием [15]. В результате нарастает анклавизация развитых в социально-экономи-

ческом плане стран. Такая анклавность, в наиболее яркой степени характерная для современной Европы [14], является инструментом политico-манипулятивной реализации внешних рисков и конфликтов. Миграция в целом в последние годы приобрела потенциал инструмента геоэкономических трансформаций.

Происходит постепенное размывание чисто экономического характера возникающих рисков развития и их надстройка политической, военно-силовой и социокультурной составляющими, глубоко изменяющими сущность процессов. Это делает невозможным разрешение возникающих проблем только в формате экономического управления.

Трансграничную геоэкономическую гибридность можно определить как: *возникновение устойчивых системных взаимосвязей между внутренними для того или иного государства процессами и обеспечением его интересов на внешнем контуре, когда приоритетность внутреннего или внешнего узла определяется ситуативно. Особенностью ситуации трансграничной гибридности является то, что рисками, возникающими в связи с ней, не всегда можно управлять на базе инструментария, возникающего как результат национального суверенитета.*

Регионализация глобальной экономики, строившейся на принципах сетевизации и постпространственности, является возрождением геоэкономики как методологической и операционной модели управления сложными комплексными процессами пространственного развития. Геоэкономика, развитие больших пространственных систем, всегда трансгранична и всегда комплексна, интегрирует в себя сложный набор факторов не только профильного – отраслевого или секторального – характера, но и социальных обстоятельств, социокультурных, проблем безопасности и экологии, причем ситуативная приоритетность этих групп факторов не всегда предсказуема. Попытка систематизации факторов геоэкономической трансграничной гибридности представлена в табл. 1.

Выводы из представленного анализа сводятся к следующему:

1. Проявления трансграничной геоэкономической гибридности выявились, хотя

и в различной степени сформированности, практически во всех геоэкономически значимых регионах, что создает высокие риски дестабилизации промышленной полупериферии постиндустриального мира. Это позволяет говорить об этой тенденции как о флагманском векторе геоэкономического переформатирования общемирового экономического пространства, развивающемся частично контролируемо, а частично в силу объективной логики развития мировой экономики.

2. Запалом для возникновения крупных геоэкономических трансформационных процессов, в том числе и с использованием военно-силовых инструментов, могут стать внутренние, как правило, негативно окрашенные социально-экономические процессы. Обратим внимание на рост значения социальной значимой ресурсности (водные ресурсы, энергетика и проч.) в качестве важнейшего фактора трансграничной геоэкономической гибридности.

3. В отличие от чисто экономической ресурсности (сырье и проч.), кризис в трансграничной социально-значимой ресурсности дает значительный мобилизационный эффект, легитимизирующий действия на внешнем контуре и может быть использован для решения внутриполитических проблем.

4. Евразия и ее субрегионы оказываются подверженными практически всем аспектам трансграничной гибридности. В ряде случаев они формируются на ее пространстве, а в некоторых (трансграничные религиозные сообщества) привносятся извне.

Ни одна из стран, обладающих потенциалом превращения в «ядро» макрорегиона (Китай, Индия, Германия, отчасти Иран и Египет, а также и Россия), не имеет достаточной геополитической решимости для того, чтобы полномасштабно использовать политico-силовые методы для перекройки операционной среды. Исключение составляет Турция, последовательно формирующая так называемый турецкий мир и доминирование в ресурсно привлекательных регионах и пространствах, в том числе и с использованием военной силы в разных форматах. В остальных случаях эффект сформированной в период поздней глобализации системы взаимозависимости оказывается до-

статочным сдерживающим фактором в отношении применяемых в межгосударственном и межсистемном противоборстве средств. Это формирует своеобразную систему конкуренции: захват через геоэкономическое поглощение с использованием и силовых инструментов геополитических пространств, «выпадающих» из сфер экономического контроля крупнейших держав [20], в том числе и в силу их внутреннего кризиса. Это не исключает, а, напротив, предопределяет широкое использование гибридных методов воздействия не только на актуальных, но и на потенциальных геоэкономических конкурентов. Это может стать отличительной особенностью нового исторического периода.

Регионализация предопределяет разрушение, как минимум, части ранее существовавших, исторически сложившихся макрорегионов, что подразумевает возможность разрушения не только региональных экономических систем, но и национальных. Иными словами, потеря целостности, сперва экономической, а затем и геополитической, не только на уровне «традиционных» макрорегионов («Большая Европа», Ближний и Средний Восток в классическом формате, Евразия хотя бы в трактовке «постсоветское пространство», а не в расширенной), что является вполне естественным и логичным процессом, отражающим долгосрочные экономические тенденции, но и на уровне отдельных стран. Операционная суверенность национальных государств, а тем более их внутренний экономический суверенитет перестают быть аксиоматичными. Эти процессы могут затронуть и вопросы, связанные с политическим суверенитетом, который становится все более зависимым от признания со стороны внешних сил и крупнейших международных институтов [2]. Особо отметим технологии хаотизации крупных пространств за счет дестабилизации социальных систем, апробированные США и их сателлитами в последние годы [26], которые вполне могут быть применены в Евразии, прежде всего, с целью не дать враждебным игрокам (Китаю, Ирану, России) усилить свое влияние в регионе, сформировав на части Евразии подобие полупериферии, обеспечивающей их устойчивость как ядра макрорегиона.

Таблица 1

Факторы геоэкономической трансграничной гибридности в контексте формирования глобальных геоэкономических макрорегионов

Фактор	Значимость	Регионы проявления	Перспективы развития	Примечание/управляемость
Логистические коридоры	Высокая	Евразия в целом, Восточная Азия, Прикаспий	Разнонаправленное	Риски усиливаются в случае возникновения экстерриториальности коридоров
Водные ресурсы	Высокая	Центральная Азия, Ближний Восток	Рост	Возможность управления риском при наличии скординированной политики. Риск управляем
Энергетическая зависимость	Средняя	Европа	Стагнация	На фоне относительного избытка энергетических ресурсов распред значение инструментария поставок, возможностей доступа к этим ресурсам. Возможность компенсаторных экономических и социальных действий. Риск управляем
Этнические взаимосвязи	Низкая/ средняя	Ближний Восток, Средний Восток, Евразия, Юго-Восточная Азия	Усиление до среднего уровня. В ряде случаев – превращение в опорную точку геоэкономических трансформаций	Проекты трансформации Ближнего и Среднего Востока основаны на этно-религиозном факторе и до-стижении относительной этнической однородности. Риск контролируем слабо
Транснационализированные территории	Низкая	Центральная Азия, Прикаспий, в ближайшей перспективе – Средиземноморье, первоначально Восточное, затем Северо-Восточное	Превращение пространств в приоритетную арену противоборства государства и корпораций	Большой потенциал дестабилизации за счет манипулятивных средств воздействия. Риск управляем слабо
Технологические цепочки	Высокая	Юго-Восточная Азия, Евразия	Снижение	В общемировом масштабе наблюдается попытка национализации критических технологических узлов из соображений безопасности крупных систем. Риск управляем
Религиозные сообщества	Высокая	Ближний Восток, Юго-Восточная Азия, Средиземноморье, Латинская Америка (возможно)	Высокая. Вероятна качественная (форматная) трансформация в сторону большей социокоммуникационной гибридности. Происходит экспорт данного типа трансграничности в Евразию	Риски возникают: 1. В случае захвата религиозными сообществами значимых экономических ниш. Нарастание востребованности радикальных религиозных конструктов. 2. В случае возникновения пространственных анклавов на религиозной основе. Риск управляем слабо

Ни один из макрорегионов, экономически обозначившихся на завершающем этапе глобализации, не имеет потенциала самодостаточности. Исключение составляет Евразия, где реально имеется потенциал самодостаточности с ресурсной и логистической точек зрения и близкий к этому технологический потенциал, но отсутствуют инвестиционные ресурсы для обеспечения финансовой самодостаточности. На стыках регионов возникают значимые «серые» зоны, за контроль над которыми необходимо бороться.

Все потенциальные участники борьбы за статус «ядра» макрорегиона имеют существенные внутренние уязвимости, ограничивающие потенциал внешних действий. Это предопределяет характер конкурентной борьбы между ними. Одним из важнейших аспектов развития глобальных трансформаций станет способность крупнейших государств нейтрализовывать риски, связанные с недостатком геоэкономической целостности и социальными проявлениями этого риска, которые в Евразии проявляются более остро.

Евразия как объект конкурентного противоборства

На первый взгляд пространство Евразии, включая и Россию, находится на периферии трансформационных изменений современного мира. Но по мере развития глобальных геоэкономических процессов, формирования основной, осевой линии геоэкономического противостояния «США – Китай» Евразия начинает все больше испытывать на себе «побочные эффекты» глобальных трансформаций, а российская внешняя политика встает перед вызовом гибридности – необходимости функциональной увязки внешнеполитических приоритетов и внутреннего развития. Этот феномен в достаточной степени осознается зарубежными игроками, считающими это «фактором слабости» [24].

Ключевые социальные и социально-экономические уязвимости, характерные для мира в целом, в Евразии проявились едва ли не в более опасной форме, нежели в большинстве других регионов, что отражало одновременно незавершенность в большинстве из них про-

цессов социально-экономической модернизации и геоэкономическую недостаточность. Это стало следствием геоэкономической недостаточности и уязвимости постсоветской Евразии, а также унаследованными от периода распада Советского Союза внутренними геоэкономическими уязвимостями. В последние 10 лет они были усилены начавшимися после финансового кризиса 2008–2009 гг. неблагоприятными экономическими процессами, сокращением инвестиционных возможностей в условиях усиления монополизма США в глобальных финансах.

Странам Евразии, несмотря на многочисленные попытки «евразийской интеграции», не удалось сохранить специфический характер региона, до известной степени защищавший его от не всегда позитивных глобальных и региональных экономических и особенно политических процессов и помогавший сохранять самобытность социально-экономических моделей развития. До начала пандемии коронавируса в Евразии не удалось запустить самостоятельный инвестиционный цикл, способный создать для России и других стран Евразии устойчивые драйверы экономического роста, не зависящие от внешней инвестиционно-спекулятивной конъюнктуры.

Процессы регионализации глобальной экономики оказывают неоднозначное воздействие на безопасность и возможности развития России. Надежды на мягкое, бесконфликтное встраивание России в регионализированные экономические системы оказались напрасными. В процессах регионализации явно растет значение силовой составляющей, а главное – степень внутренней устойчивости и защищенности социально-экономической системы России оказывается недостаточной, чтобы гарантировать защищенность страны в ходе конкуренции с другими претендентами на статус «ядра» макрорегиона.

Все более актуальным становится риск стимулированной извне пространственной трансформации региона и «разрыв» его между конкурирующими центрами экономического и политического влияния. Евразия начинает утрачивать свою субъектность, и ее пространство все больше становится пространством ре-

ализации глобальных тенденций и глобальной конкуренции, а значит, может стать объектом конкуренции внешних сил, претендующих на статус «ядра», управляющего центра глобально-значимого региона.

Существующие и перспективные вектора военно-силовой напряженности, связанные с формированием новых геоэкономических макрорегионов в западной и юго-западной окончности Евразии, в том числе и потенциально угрожающие ее геоэкономической целостности, показаны на Рисунке 1.

Констатируем следующее: Евразия, в том числе и ее условно «внутренние» регионы (что в случае с Евразией является условным понятием), становится привлекательным пространством для конкуренции ведущих геоэкономических и geopolитических сил, где они не будут испытывать значительной части ограничений по используемым инструментам и где они не будут ограничены сценариями «борьбы с ненулевой суммой».

Ни одна из крупнейших глобальных сил не заинтересована в превращении Евразии в самодостаточный макрорегион, особенно если это будет происходить при лидерском статусе России. Это формирует принципиально новую систему вызовов национальной безопасности и развитию России, требующую принципиально иного подхода к обеспечению условий для устойчивого и поступательного развития страны.

По всем направлениям формирования потенциальных макрорегионов мы видим гибридную структуру рисков, варьирующуюся от возможности возникновения устойчивой угрозы сепаратистских движений до системной террористической опасности и этнической нестабильности. Это означает, что практическая реализация процессов геоэкономической регионализации может сопровождаться использованием широкого спектра методов конкурентной борьбы, включая и гибридные политico-силовые инструменты.

Рис. 1. «Вектора силового напряжения» в связи с формированием новых макрорегионов по периметру границ Евразии

Выделим три главных тенденции развития ситуации вокруг России.

Первое. Центральные узлы возможных геоэкономических трансформаций нацелены на глубокое переформатирование традиционных геоэкономических комплексов (Причерноморье, Прикаспий), связанное с попытками внешних сил обеспечить себе лидерские позиции в борьбе за статус «ядра» макрорегиона, предполагают разрушение экономической и социальной связности не только в Евразии, но и в России с возможным размыванием странового экономического, а в перспективе – и политического суверенитета.

Второе. Попытка деактуализации в ряде трансформационных узлов «советского наследия», не только в социально-политическом и культурном плане, но и с точки зрения экономического развития. Такой подход, построенный на принципе «подмены истории», мы наблюдали не только в отношении кризисного узла в Белоруссии [17], по своей сути геоэкономического, но замаскированного под внутриполитический конфликт. Схожие процессы происходят и в Центральной Азии, и в Причерноморье.

Третье. Главным фактором в развитии геоэкономических процессов в ближайшем геоэкономическом окружении России может стать возникновение прецедентов экстерриториальности, например, в пределах глобально значимых логистических коридоров [13]. Экстерриториальность, размывающая национальный суверенитет не только в политической сфере, но и в экономической и, как правило, приводящая к политической deinституционализации пространств, может стать мощным стимулом к переформатированию постсоветской Евразии. Экстерриториальность может стать источником альтернативных, чуждых Евразии моделей социальности, как это уже было в истории [10].

Целостность геоэкономического пространства Евразии в классическом «советском» и «постсоветском» понимании этого термина (в границах бывшего СССР) в результате не только актуальных, но и накопленных геоэкономических трансформаций утрачена. И в этих условиях компенсировать риски, связанные с возможным перехлестом разрывов геоэконо-

мической и социальной связности внутри территории России, можно только формированием управляемых геоэкономических процессов на внешнем контуре. Трансформации в таких условиях будут развиваться рывками, по мере накопления именно внутренних противоречий.

Возникают риски для целостности экономического и социального пространства России, а как следствие, и политического. Это ставит на повестку дня вопрос о внутренней устойчивости системы государственного и социального управления на сопредельных Евразии территориях. Россия в процессе геоэкономической конкуренции сталкивается уже на данном этапе одновременно с несколькими ситуациями, где требуется более высокий уровень консолидации систем государственного управления. В дальнейшем такая потребность будет только расти.

Заключение

Структурирование и политическое оформление макрорегионов является практически значимым проявлением глобальной геоэкономической гибридности, когда происходит синтез внутренних и внешних аспектов развития новых геоэкономических отношений. Но эти проявления носят объективный характер, а значит, являются, как минимум, среднесрочным процессом, который нельзя рассматривать только сквозь призму интересов внешних сил и информационно-политических манипуляций.

Перед Россией стоит двуединая задача: укрепление внутренней геоэкономической устойчивости государства, целостности и эффективности ее социально-экономической системы и одновременное обеспечение распространения российского экономического влияния в широком смысле этого термина на максимальный объем геоэкономически значимых пространств, с очевидным приоритетом Евразии.

Важнейшим фактором успеха в новой геоэкономической ситуации является выход на принципиально новый уровень качества и комплексности государственного управления в условиях нарастающего уровня конкуренции с использованием неэкономических средств,

с чем столкнется не только Россия, но и весь мир. Это потребует преодоления технократизма в реализации крупных геоэкономических проектов. Они должны рассматриваться в том числе и с точки зрения социального и социально-политического эффекта. В особенности это касается проектов в сфере создания на территории Евразии крупных трансграничных логистических коридоров, о чем говорил президент России В.В. Путин в Послании Федеральному собранию [28]. Такие проекты могут дать колossalный импульс развитию экономики и России в целом, и конкретных регионов при условии комплексного подхода и заблаговременного учета возникающих рисков, в том числе и неэкономического характера.

Такой подход возможен только на основе формирования нового понимания взаимной ответственности в отношениях государства и общества, выходящего за рамки классической либеральной концепции управления социально вовлеченными слоями за счет коммуникационных нарративов [4], которая становится нарастающе неэффективной.

Минувшие годы продемонстрировали невозможность существенного повышения качества государственного управления в условиях разделенности и пространственной негармонизированности различных контуров государственного управления [3]. Тем более невозможно в этих условиях сформировать систему стратегического целеполагания, подразумевающую управление развитием разнородных субъектов, как в экономических, так и в социально-политических процессах.

Последнее предполагает осознание социокультурной и национально-цивилизационной гармонизации в качестве фактора экономического управления и условия для успешного развития не только условно «внутренней» экономики страны, но и для эффективного встраивания в процессы формирования глобально значимых геоэкономических макрорегионов. Такое осмысление даст России серьезную «фору» в процессе формирования собственно го макрорегиона и взаимодействия с другими глобально значимыми силами.

Литература

1. Болдуин Р. Великая конвергенция. Информационные технологии и новая глобализация. – М: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 416 с.
2. Евстафьев Д.Г. Информационные манипуляции и государственный суверенитет: риски для России // Гражданин. Выборы. Власть. – 2019. – С. 98–110.
3. Евстафьев Д.Г., Ильницкий А.М. Приоритеты управления национальной безопасностью и обороной в условиях постглобального мира // Военная мысль. – 2021. – № 3. – С. 6–24.
4. Кастельс М. Власть коммуникации: учебное пособие. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
5. Кокошин А.А., Панов А.Н. Макроструктурные изменения в системе мировой политики до 2030 года. – М.: КРАСАНДН, 2016. – 336 с.
6. Конышев В., Парфенов Р. Гибридные войны: между мифом и реальностью // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 12. – С. 56–66.
7. Крастев И., Холмс С. Свет, обманувший надежды. Почему Запад проигрывает борьбу за демократию. – Альпина Паблишер, 2020. – 354 с.
8. Спенс М. Следующая конвергенция. – М.: Издательство Института Гайдара, 2013. – 336 с.
9. Стиглиц Дж. Великое разделение, или Что делать оставшимся 99 % населения. – М.: ЭКСМО, 2016. – 480 с.
10. Фракопан П. Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий. – М.: Эксмо, 2019. – 804 с.
11. Anderson E., Obeng S. Globalization and government spending: Evidence for the ‘hyperglobalization’ of the 1990s and 2000s // The World Economy. – Vol. 44. – Is. 5, May 2021. – Pp. 1144–1176. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/twec.13035>.
12. Curran D. Risk, innovation, and democracy in the digital economy // European Journal of Social Theory. – 2017. – Vol. 21. – Is. 2. – Pp. 207–226. – URL: doi.org/10.1177/1368431017710907.
13. Dadabaev T. “Silk Road” as foreign policy discourse: The construction of Chinese, Japanese and Korean engagement strategies in Central Asia // Journal of Eurasian Studies. – 2018. – Vol. 9. – Pp. 30–41. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1016/j.euras.2017.12.003>.
14. Drouhot L.G. Cracks in the Melting Pot? Religiousity and Assimilation among the Diverse Muslim Population in France // American Journal of Sociology. – 2021. – Vol. 126. – № 4, January 2021. – URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/712804#>.

15. Eylemer S., Söylemez N. Policy Versus Praxis: Has the European Union Failed to Respond to the Refugee Crisis? // *World Affairs*. – 2020. – Vol. 183. – Is. 4. – Pp. 315–342. – URL: <https://doi.org/10.1177/0043820020966832>.

16. Friedman T. *The World is Flat. A Brief History of Twenty First Century*. – NY: Farrar, Straus and Giroux, 2005. – 488 p.

17. Gould-Davies N. Belarus and Russian Policy: Patterns of the Past, Dilemmas of the Present // *Survival*. – December 2020 – January 2021. – Pp. 179–198. – URL: <https://doi.org/10.1080/00396338.2020.1851099>.

18. Grech-Madin C. Water and Warfare: The Evolution and Operation of the Water Taboo // *International Security*. – 2021. – № 45 (4). – Pp. 84–125. – URL: <https://direct.mit.edu/isec/article/45/4/84/100568/Water-and-Warfare-The-Evolution-and-Operation-of/> doi: [10.1162/isec_a_00404](https://doi.org/10.1162/isec_a_00404).

19. Huntington S.P. *The Clash of the Civilizations and the Remaking of the World Order*. – New York: Simon&Shuster, 1996. – 368 p.

20. Itzkowitz Shifrinson J.R. Partnership or Predation? How Rising States Contend with Declining Great Powers // *International Security*. – 2020. – № 45 (1), July 2020. – Pp. 90–126. – URL: <https://direct.mit.edu/isec/article/45/1/90/95255/Partnership-or-Predation-How-Rising-States-Contend>. doi: [10.1162/isec_a_00384](https://doi.org/10.1162/isec_a_00384).

21. Kaplan Robert D. The Afterlife of Empire // *The National Interest*. – 2020, October 16. – URL: <https://nationalinterest.org/feature/afterlife-empire-170803>.

22. Noël P. Nord Stream II and Europe's Strategic Autonomy // *Survival*. – 2019. – № 61(6). – Pp. 89–95.

23. Nye J.Jr. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // *Foreign Affairs*. – 2018, January 24. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>.

24. Rezvani B. Russian foreign policy and geopolitics in the Post-Soviet space and the Middle East: Tajikistan, Georgia, Ukraine and Syria // *Middle Eastern Studies*. – 2020. – № 56: 6. – Pp. 878–899. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00263206.2020.1775590?src=recsys>.

25. Robert D. Kaplan. The Afterlife of Empire // *The National Interest*. – 2020, October 16. – URL: <https://nationalinterest.org/feature/afterlife-empire-170803>.

26. Shambaugh D. The Southeast Asian Crucible. What the Region Reveals About the Future of U.S.-Chinese Competition // *Foreign Affairs*. – 2020, December 17. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2020-12-17/southeast-asian-crucible>.

27. Schwab K., Malleret Th. COVID-19: The Great Reset. – FORUM PUBLISHING, 2020. – 280 p.

28. Письмо Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному собранию. 21 апреля 2021 года. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/page/4>.

Информация об авторе

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич, кандидат политических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

E-mail: devstafiev@hse.ru

**D.G. EVSTAFIEV,
PhD in Politics, Professor
HSE University**

GLOBAL GEOECONOMIC TRANSFORMATIONS AND EURASIA: RISKS AND OBJECTIVES FOR RUSSIA

Abstract. The regionalization of the world economy is developing by more moderate pace than it was perceived and that in part is related to the counteraction from the forces that are interested to the classic post-geographical model of globalization and unlimited networkization of the global politics and economy. At the same time the regionalization is less and less developing through the pattern of purely economic transformations. The regionalization actively includes political and military instruments into its inventory. A number of countries that strive for enforcement of their political and economic influence through the regionalized model of the geo-economics development actively use the methods of hybrid wars in their politics. And that is a model for transformation of large and important from the geo-economics point of view areas under the condition of preservation of high level of interdependence in key sectors of economies and technologies. Around the periphery of the Eurasian continent

and in some cases in the direct proximity of the territory of Russia new centers of economic growth are being formed that in the nearby future can institutionalize themselves into full-scale political and economic systems that are formed around a robust military-political nucleus. Their influence will have impact not only in the outer perimeter of the Russia's borders but also upon the domestic socio-economic developments. That puts into the agenda the necessity to elaborate an integrated policy that could simultaneously provide for internal development under the stable conditions as well as conflicting issues settlement outside the borders. That makes impossible to fully divide internal and external risks that are result of the microregion development in the neighboring Eurasia areas. Such an approach demands an integrated politics that includes not only political, military political and infrastructural aspects but also social, socio-cultural aspects. That also demands balancing relations between Center and regions of Russia.

Keywords: regionalization of the world economy, Eurasia, geoconomics macroregions, centers of economic growth, hybrid threats.

References

1. *Baldwin R.* Great Convergence. Information technology and new globalization. – M: Delo Publishing House, RANEPA, 2018. – 416 p.
2. *Evstafiev D.G.* Information manipulations and state sovereignty: risks for Russia // Citizen. Elections. Power. – 2019. – Pp. 98–110.
3. *Evstafiev D.G., Ilnitskiy A.M.* Priorities of national security and defense management in the post-global world // Military Thought. – 2021. – № 3. – Pp. 6–24.
4. *Castells M.* Power of communication: a tutorial. – M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. – 564 p.
5. *Kokoshin A.A., Panov A.N.* Macrostructural changes in the system of world politics until 2030. – M.: KRASANDN, 2016. – 336 p.
6. *Konyshov V., Parfenov R.* Hybrid wars: between myth and reality // World economy and international relations. – 2019. – T. 63. – № 12. – Pp. 56–66.
7. *Krastev I., Holmes S.* Light that deceived hopes. Why the West is losing the fight for democracy. – Alpina Publisher, 2020. – 354 p.
8. *Spence M.* The next convergence. – M.: Gaidar Institute Publishing House, 2013. – 336 p.
9. *Stiglitz J.* The Great Divide or What to Do for the Remaining 99 % of the Population. – M.: EKSMO, 2016. – 480 p.
10. *Frakopan P.* Silk Road. The road of textiles, slaves, ideas and religions. – M.: Eksmo, 2019. – 804 p.
11. *Anderson E., Obeng S.* Globalization and government spending: Evidence for the 'hyper globalization' of the 1990s and 2000s // The World Economy. – Vol. 44. – Is. 5, May 2021. – Pp. 1144–1176. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/twec.13035>.
12. *Curran D.* Risk, innovation, and democracy in the digital economy // European Journal of Social Theory. – 2017. – Vol. 21. Is. 2. – Pp. 207–226. – URL: <https://doi.org/10.1177/1368431017710907>.
13. *Dadabaev T.* "Silk Road" as foreign policy discourse: The construction of Chinese, Japanese and Korean engagement strategies in Central Asia // Journal of Eurasian Studies. – 2018. – Vol. 9. – Pp. 30–41. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1016/j.euras.2017.12.003>.
14. *Drouhot L.G.* Cracks in the Melting Pot? Religiosity and Assimilation among the Diverse Muslim Population in France // American Journal of Sociology. – 2021. – Vol. 126. – № 4, January 2021. – URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/712804#>.
15. *Eylemer S., Söylemez N.* Policy Versus Praxis: Has the European Union Failed to Respond to the Refugee Crisis? // World Affairs. – 2020. – Vol. 183. – Is. 4. – Pp. 315–342. – URL: <https://doi.org/10.1177/0043820020966832>.
16. *Friedman T.* The World is Flat. A Brief History of Twenty First Century. – NY: Farrar, Straus and Giroux, 2005. – 488 p.
17. *Gould-Davies N.* Belarus and Russian Policy: Patterns of the Past, Dilemmas of the Present // Survival. December 2020 – January 2021. – Pp. 179–198. – URL: <https://doi.org/10.1080/00396338.2020.1851099>.
18. *Grech-Madin C.* Water and Warfare: The Evolution and Operation of the Water Taboo // International Security. – 2021. – № 45 (4). – Pp. 84–125. – URL: <https://direct.mit.edu/isec/article/45/4/84/100568/Water-and-Warfare-The-Evolution-and-Operation-of/> doi.org/10.1162/isec_a_00404.

19. Huntington S.P. *The Clash of the Civilizations and the Remaking of the World Order*. – New York: Simon&Shuster, 1996. – 368 p.
20. Itzkowitz Shifrinson J.R. Partnership or Predation? How Rising States Contend with Declining Great Powers // *International Security*. – 2020. – № 45 (1), July. – Pp. 90–126. – URL: <https://direct.mit.edu/isec/article/45/1/90/95255/Partnership-or-Predation-How-Rising-States-Contend>. doi: 10.1162/isec_a_00384.
21. Kaplan Robert D. The Afterlife of Empire // *The National Interest*. – 2020, October 16. – URL: <https://nationalinterest.org/feature/afterlife-empire-170803>.
22. Noël P. Nord Stream II and Europe's Strategic Autonomy // *Survival*. – 2019. – № 61(6). – Pp. 89–95.
23. Nye J.Jr. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // *Foreign Affairs*. – 2018, January 24. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>.
24. Rezvani B. Russian foreign policy and geopolitics in the Post-Soviet space and the Middle East: Tajikistan, Georgia, Ukraine and Syria // *Middle Eastern Studies*. – 2020. – № 56: 6. – Pp. 878–899. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00263206.2020.1775590?src=reccsys>.
25. Robert D. Kaplan. The Afterlife of Empire // *The National Interest*. – 2020, October 16. – URL: <https://nationalinterest.org/feature/afterlife-empire-170803>.
26. Shambaugh D. The Southeast Asian Crucible. What the Region Reveals About the Future of U.S.-Chinese Competition // *Foreign Affairs*. – 2020, December 17. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2020-12-17/southeast-asian-crucible>.
27. Schwab K., Malleret Th. *COVID-19: The Great Reset*. – FORUM PUBLISHING, 2020. – 280 p.
28. Message from the President of the Russian Federation Vladimir Putin to the Federal Assembly. April 21, 2021. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/page/4>.